

Война и мир Дмитрия Медведева

«Европа»

2009

Война и мир Дмитрия Медведева / «Европа», 2009

Сборник эксклюзивных материалов заочного международного семинара Русского института, посвященного итогам Пятидневной войны. События 8 августа 2008 года стали суровым экзаменом для президента России Дмитрия Медведева. Страна оказалась перед реальным вызовом – ее могли смахнуть с глобальной «шахматной доски», оставив вне игры. Наивно полагать, что Грузия угрожала только Южной Осетии – под ударом был весь Кавказ. Если бы не решительные действия президента Медведева, сегодня Россия была бы без Кавказа. А возможно, не было бы и самого государства российского. В рискованной и опасной игре, имя которой – мировая политика, наша страна сделала жесткую ставку, продемонстрировала силу и сохранила суверенитет, осталась независимым игроком. Россия заявила о том, что без нее игра невозможна, и отстояла свое право определять ее правила.

, 2009

© Европа, 2009

Содержание

Глеб Павловский	5
Введение	7
Джордж Фридман (США)	7
Тимофей Бордачёв	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Коллектив авторов

Война и мир Дмитрия Медведева. Сборник

Глеб Павловский

Предисловие

Эта книга – материалы заочного блиц-семинара, или экспертной фокус-группы, проведенной Русским институтом в годовщину Пятидневной войны и признания независимости Южной Осетии и Абхазии. Но тема не война, не Кавказ. Тема – проблема безопасности России, как ее заново поставил Президент Дмитрий Медведев своим «военным решением». **Почему вообще безопасность России – огромного государства, уже 20 лет как восстановленного – остается проблемой?**

Говоря о «безопасности Российской Федерации», мы говорим о том, чего не было более десятилетия. Все это время безопасность страны гарантировалась замешательством крупных сил из-за хаоса в мире. Неподготовленность Запада к распаду СССР сыграла в этом особую роль. Америка запуталась в списках советского наследства, а посткоммунистическая «Центральная Европа» вместе с войной на Балканах вобрала амбиции Евросоюза.

Возникновение России в конце XX века было не вполне заслуженным нами призом. Россия возникла среди руин прежней архитектуры безопасности. Главную лакуну образовал Союз, выпав из международных институтов в небытие. Россия крепла в тени советского могущества, особенно длинная тень – от Победы-1945. Сообщество *побаивающихся Советов* было, и все еще остается неким фактором – в 1991 году оно не посмело бросить вызов России. Понятие «постсоветского» известило об архитектуре *паузы* – временном мироустройстве, лишенном позитивных начал и собранном вокруг пустоты.

Более чем 10-летние разговоры об ослаблении России, даже о «мире без России», имея пропагандистскую сторону, отнюдь не сводились к русофобии. Прежняя мировая система не приспособлена к явлению внутри себя новой России. Она могла бы освоить ее, лишь если бы та оказалась **незначительной**. Незначительная Россия еще могла бы быть интегрирована в новый мировой порядок без ломки. Сильная, становящаяся мировой – нет.

Актуально ли это вспоминать сегодня? Да, потому что в России недооценивают то обстоятельство, что ее безопасность с момента возникновения **не была гарантирована** никакой группой стран, никаким соглашением, опирающимся на силу. Неполной она остается по сей день. Отсюда западный невроз **навязываемой нам «идентичности»** – Россия не то якобы, что Россия считает собой. Россия то, чем *хотят* (или привыкли) ее видеть другие, Евросоюз или США прежде всего. Навязанная идентичность – невротическая проекция, и как таковая она порождает страх. Призраки «восстановления СССР» и «поглощения соседей» – бездоказательные эвфемизмы реального страха. Но американский страх – достаточный для того, чтобы атаковать российские планы и интересы – стратегически мало артикулирован. Политики типа Саакашвили и взяли на себя «дело» артикуляции страхов. Так на постсоветском пространстве возник стимул особого типа конфликтов с Россией – и потенциал столкновения интересов России и США, какого нигде больше в современном мире **нет**. Пространство виртуальной экспансии США, необсуждаемой и все менее осмысленной. Саакашвили и строил свою политику на обслуживании экспансии, а стратегию – на ее расширении. Проиграв войну, он проиграл ее и за США.

На Кавказе мы доказали, что не допустим создания механизма безопасности, из которого будем исключены. Теперь послеавгустовская Россия должна обрести волю *разделить гло-*

бальную ответственность с остальными. Для этого нам не нужны новые права, о чем без устали напоминает Президент Медведев. Не нужна России и особая «сфера влияния» с границами, прикованными к советским картам – картам покойника. После августа-08 влияние России *уже* имеет **глобальный, а не «постсоветский»** характер. Его необходимо интегрировать в будущую международную систему. От России уникальной пора перейти к России нормальной. Для этого надо договориться о том, что считается нормой. И Дмитрий Медведев предлагает комплексные дебаты, внутри которых могут быть представлены и учтены все аспекты вопроса долговременной, устойчивой безопасности. России предстоит доказать и то, что проблема ее безопасности реальна, и что проблема связана с нормативной дефицитностью современного мироустройства. России придется **«навязать»** миру и Европе дебаты о глобальной безопасности. Фактически, такие дебаты неизбежно перейдут в полноформатное признание новой национальной России – признание, которое не вполне состоялось за ее первые 18 лет.

Введение

Джордж Фридман (США) РОССИЯ И «МИР ПОСЛЕ КОСОВО»

Джордж Фридман генеральный директор международной разведывательной организации «Стратфор» (STRATFOR) – www.stratfor.com

Принципиальными результатами противостояния в Южной Осетии в августе 2008 года стало окончательное оформление «мира после Косово». По мнению российской стороны, принцип незыблемости границ был нарушен после провозглашения независимости Косово. С точки зрения России, раздел Сербии переформатировал нормы международного права – и Южная Осетия стала лишь логическим продолжением этого процесса. Кроме того, по мнению России, принцип поддержания стабильности существующих границ не может быть односторонним в принципе. Российско-грузинский конфликт должен был, по российскому пониманию, рассматриваться именно в этом контексте. И курс Российской Федерации по отношению к Южной Осетии и Абхазии де-факто выработан на основе западной политики по отношению к Косово.

Авиаудары НАТО по территории Югославии

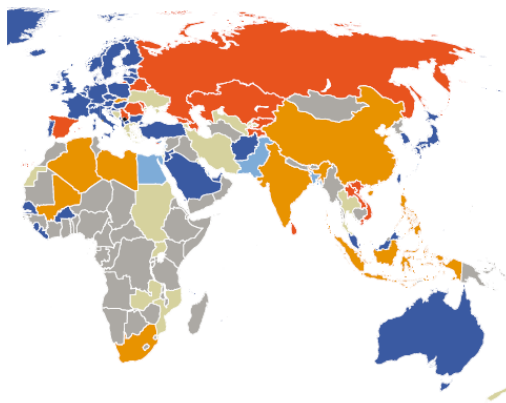
Но все это – вопрос своеобразной эквилибристики вокруг теории международного права. Проблему Южной Осетии и Абхазии нужно рассматривать в другом, более широком контексте – попыток России вернуть свою сферу геополитического влияния на территории бывшего Советского Союза. Действия по отношению к Грузии и к ее непокорным территориям служат наглядным уроком для других государств бывшего СССР, в особенности для Украины и для стран Балтийского региона. Это способ донести тот факт, что Россия готова использовать любые необходимые средства для защиты того, что она считает своими национальными интересами. И в первую очередь это касается Соединенных Штатов и их политики в регионе, которая отныне должна учитывать тот факт, что Россия вновь способна действовать настолько эффективно.

Очевидно, что проигравшей стороной событий августа 2008 года можно считать именно Соединенные Штаты Америки. Они не смогли, по сути, помочь союзному Америке государству.

Но Барак Обама не поменяет политику Соединенных Штатов Америки в регионе. Американские интересы не зависят от личностей или партий, они довольно стабильны. Желание «перезагрузить» отношения США и России было не более чем идеалистическим порывом Белого дома. И, называя вещи своими именами, это был весьма вредный порыв, потому что русские со всей очевидностью не хотят перезагрузки отношений по старым правилам и возвращения их к тому состоянию, которое существовало в период между 1991 и 2008 годами. Российская власть считает эти годы сложными. Хорошие взаимоотношения между Бараком Обамой и Дмитрием Медведевым в этом вопросе вряд ли способны что-либо решить (возможно, они станут более интересными, если возникнет реальное соперничество между нынешним российским президентом и Владимиром Путиным – Соединенные Штаты хотели бы именно этого и пытались добиться на недавних переговорах). Россия не может замыкаться в пределах Москвы и не испытывать никаких угроз извне. Любой российский лидер будет стремиться преобразовать региональную систему вокруг России в зависимое от его воли пространство. И с этой точки зрения президентство Дмитрия Медведева мало чем отличается от президентства Владимира Путина. Наоборот – налицо очевидная политика преемственности, точно такая же, какая существует между администрациями Джорджа Буша и Барака Обамы в США. Глядя из-за океана, мы видим, что преемственность власти в России продолжается с того момента, как Путин заменил Ельцина, и по сей день. Именно Медведев находился в Кремле во время конфликта с Грузией. И он решил этот вопрос точно так же, как решил бы его предшественник Владимир Путин.

Признание независимости Косово в мире

Россия же в данной ситуации – явный победитель конфликта вокруг Южной Осетии, поскольку она продемонстрировала не только свою готовность рискнуть, но и эффективность своих вооруженных сил в разрешении локальных конфликтов. В благоприобретения Москвы от этого столкновения в августе 2008 года следует записать не неочевидную независимость Южной Осетии и Абхазии, но очевидное расширение российской зоны влияния. Список победителей на этом не исчерпывается. Правящий режим Грузии пока удержался у власти и сохранил свои обширные связи с Соединенными Штатами, так что можно считать, что в этом смысле грузинские власти не проиграли противостояния с Россией. В целом же, причем даже не столько благодаря событиям в Грузии, мы наблюдаем всплеск турецкого влияния не только на Кавказе, но и на его периферии. Пока на Кавказе это еще не сыграло какой-либо существенной роли, но в свое время, можно быть уверенными, так и произойдет.

Именно потому, что Россия оказалась победителем в этой ситуации, всеобъемлющее соглашение по евроатлантической безопасности, которое ассоциируют с именем президента Медведева, сейчас маловероятно.

Соединенные Штаты после провального по результатам саммита в Москве продолжают декларировать свое право поддерживать двусторонние отношения со всеми государствами на постсоветском пространстве, независимо от их отношений с Москвой. В том числе – и право заключать двусторонние соглашения по безопасности. С американской точки зрения, принцип двусторонних отношений – основа успешной внешней политики. С российской точки зрения, обусловленной моментом дня, многосторонний подход поможет признать интересы Москвы в нужном ей регионе. Эти подходы друг с другом несовместимы. Таким образом, атлантическая составляющая вышеупомянутой инициативы нефункциональна. Но Россия способна выстроить отношения с Европой независимо от Соединенных Штатов. И здесь особенно важно обратить внимание на российско-германские отношения. Федеративная республика Германия остается самой значительной державой континентальной Европы, а ее связи с Россией все углубляются на фоне ухудшения поддержки политики США на Старом континенте. Так что как ни смотри, но двусторонняя политика играет более существенную роль, чем многосторонняя даже у России. И это естественно.

Тимофей Бордачёв **УСИЛЕНИЕ РОССИИ И БАЛАНС** **СИЛ В БОЛЬШОЙ ЕВРОПЕ**

Тимофей Бордачёв руководитель исследовательских программ Совета по внешней и оборонной политике, директор Центра европейских и международных исследований ГУ-ВШЭ

События августовской войны 2008 года стали последним доказательством того, что процесс формирования многополярной структуры международных отношений подошел к своему завершению. Относительное равновесие сил между крупнейшими мировыми державами, в данном случае между Россией и Америкой, имеет законченный характер. Они настолько чувствуют себя в силах друг друга сдерживать, что это может привести даже к военным столкновениям. То есть аналогии между событиями на Кавказе в августе 2008 года и непрямыми столкновениями СССР и США, или Российской империи и Великобритании в XIX веке, или СССР и США в XX веке в странах третьего мира могут быть самыми прямыми.

Победители и проигравшие

Если говорить о том, кто усилился в результате войны, а чьи позиции ослабли, безусловно, проигравшей стороной оказались в этой ситуации Соединенные Штаты Америки. Разгром Россией одного из ближайших клиентов США и их наиболее верного союзника на постсоветском пространстве стал колоссальным ударом по престижу США. Не менее сильным ударом стала неспособность США даже дипломатически защитить Тбилиси. Это очень важный фактор, который негативно сказался на авторитете Америки. А престиж наряду с силой является одной из двух составляющих того, за что, собственно, страны и борются в любом мире, и сейчас, и в прошлом.

Безусловно, усилилась Россия. Вне зависимости от того, признали другие страны мира Абхазию и Южную Осетию или не признали, сам факт того, что Россия сделала так, как она считала правильным, вне зависимости от того, какую позицию по этому поводу занимала наиболее сильная в военном отношении держава мира. Вне зависимости от того, какую позицию занимал наиболее важный внешнеэкономический партнер России – Европейский союз. Безусловно, сам факт такого решения и его реализация свидетельствуют о том, что Россия усилилась перед августовскими событиями и усилила свой престиж в результате войны.

Если же говорить о якобы проблеме признания Южной Осетии и Абхазии другими странами мира, то такой акт со стороны, хотя бы одного более-менее значимого государства означал бы возвращение биполярного мира. Поясню свою мысль: одна великая держава разгромила ближайшего клиента другой великой державы. Часть государств присоединилась к США и осудила признание двух республик. В том случае, если бы другая группа присоединилась к России, раскол мира на два лагеря стал бы свершившимся фактом. Никак не меньше. Другое дело, что многие страны мира, как мне кажется, хотели бы признать Абхазию и Южную Осетию, но не сделали этого потому, что не испытывали достаточной уверенности в том, что Россия готова играть с США на равных. Со стороны любой крупной мировой столицы поддержка Москвы в этом вопросе стала бы актом очень высокой степени доверия. И за это доверие Россия, ее внешняя политика должны еще побороться.

В определенном смысле выиграла Европа. Не Европейский союз, а Европа как некая совокупность государств, среди которых лидирующее место занимают Франция и Германия. Ведущие европейские страны смогли сыграть роль посредника в этой ситуации и не только привлечь к себе внимание, но и реально повлиять на урегулирование непрямого конфликта между

наиболее крупными военными державами мира. Это, безусловно, стало для Европы большим успехом. Другое дело, что благодарить за это достижение европейцы должны в первую очередь судьбу, поскольку, окажись на посту председателя Европейского союза другая страна, а не Франция, неизвестно, как бы все повернулось.

Несомненно, это вооруженное столкновение пошло на пользу тем государствам – Китай, Индия, Бразилия и другие крупные развивающиеся страны, – которые рвутся сейчас в первую лигу мировой политики. Относительное ослабление и потеря престижа наиболее сильной страны – Соединенных Штатов – пошло на пользу тем, кто стремится войти в круг великих держав. Для них освободилось место, освободилось пространство и увеличились возможности для маневра.

Маловероятно в этой связи, что какая-либо из растущих стран будет стремиться связать себя союзническими отношениями.

События августа прошлого года подтвердили, что мир находится в той стадии, когда страны стремятся скорее к самостоятельному усилению за счет собственных возможностей и провалов своих партнеров, а не к выстраиванию каких-либо коалиций для союзнических отношений.

Хотя тактические альянсы, согласование интересов возможны, и они происходят.

Государства и кризис

Возникший сразу после августовских событий кризис сделал ситуацию еще менее стабильной. Стало очевидно, что мировая экономическая система по уровню и качеству своей структуризации, упорядоченности, понятности и даже терминологической четкости находится на уровне системы международных отношений первой половины XIX века. Сейчас ученый-политолог всегда может сказать, почему началась война. Ученый-экономист, даже если он лауреат Нобелевской премии, не может сказать, почему начался всемирный экономический кризис. Потому что политологическая международная наука оперирует более понятными элементами – государствами, а в экономической науке этих элементов невиданное множество. И процесс кристаллизации, появления понятных и доступных для анализа элементов международной экономической системы займет достаточно длительное время.

По всемирно-историческому значению мировой экономический кризис, происходящий сейчас, можно сравнить с Первой мировой войной 1914–1918 годов. Разделяет их промежуток времени в 94 года, что, собственно, и демонстрирует степень того, насколько структура мировой экономики менее развита, менее кристаллизована и понятна, чем структура мировых политических отношений. И главный здесь вопрос – вопрос о субъектности системы мировой экономики, о том, сможет ли она быть понята учеными не как совокупность национальных экономик и взаимосвязей между ними, а как некий субъект, который сам детерминирует свое развитие и поведение участников.

И если мировая экономика находится в таком разрозненном, «довестфальском» состоянии, то неужели мы можем ожидать, что государства мира окажутся способными сейчас к высокой степени координации своих действий? Они могут координировать финансы, они могут координировать торговлю, они могут координировать теоретически даже инвестиции, политику в этих вопросах. Но они не могут объединиться для того, чтобы пытаться как-то регули-

ровать мировую экономику в целом. Поэтому вряд ли кризис будет способствовать формированию каких-то устойчивых международных форматов.

«Большая двадцатка» – это попытка, по большому счету, создать в экономической сфере некий «концерт держав», который существовал в политической сфере после 1815 года. С 1815 года до возникновения Лиги наций прошло чуть больше ста лет. Может произойти регионализация, когда государства отдельных регионов смогут выступать с более или менее единой позицией. И наибольшая трудность состоит в определении границ этих регионов. В ряде случаев, таких как Европейский союз, НАФТА, ситуация более или менее понятна. Однако в Европейском союзе тоже есть Великобритания, позиция которой ближе к американской, чем к континентальной.

Россия пока стремится к определенной координации своей политики с другими странами БРИК и созданию вокруг себя круга близких государств на территории постсоветского пространства. У Китая – интенсивное экономическое взаимодействие с соседями, но достаточно низкая степень политического взаимопонимания. С Индией никто из ее соседей не собирается формировать какие-то коалиции.

Август 2008 года и цели российской внешней политики

В мае прошлого года много говорили о том, что новый президент России изменит ее внешнюю политику и она станет более сговорчивой. Это была ошибочная позиция с самого начала, и очевидно, что

Медведев своим решением во время августовского конфликта подтвердил преемственность курса. Ожидать какого-то изменения и большей уступчивости в отношениях, в первую очередь со странами Запада, было ошибкой.

Государственные деятели очень серьезно ограничены в своем выборе. И чем больше страна, чем большую роль она играет в контексте международной стабильности в целом, тем более ограничен выбор ее руководителей. Дания довольно свободна в своих действиях, а Россия и Соединенные Штаты совершенно не свободны.

Однако война 8-13 августа 2008 года создала для России в сфере международных отношений новые возможности маневра и добила прогресса на важнейших направлениях своих отношений со странами Запада. Согласно классическим взглядам, дипломаты и солдаты делают одно дело – стремятся изменить образ мыслей других людей. Ярким примером в этой связи стало негласное решение остановить дебаты о расширении НАТО на Грузию и Украину: маленькая война в августе 2008 года предотвратила, как считают многие наблюдатели, войну большую. И действия России в августе прошлого года сыграли решающую роль в принятии решения о приостановке разговоров о расширении НАТО, замедлили процессы, связанные с третьим позиционным районом системы противоракетной обороны США. Это прямые практические последствия, показывающие, как применение Москвой военной силы повлияло на внешнюю политику Вашингтона. Наконец, действия России сыграли существенную роль в формировании тех идей, которые лежат в основе попыток новой американской администрации сформулировать новый подход к политике США в мире.

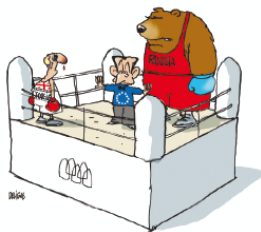
Кроме того, усиление России, безусловно, должно было сыграть, и сыграло определенную положительную для нее роль в контексте продвижения идей экономической интеграции на постсоветском пространстве. Мнение, что вооруженные действия России в Грузии оттолкнули страны постсоветского пространства от России, скорее из разряда политических спекуляций и переговорного процесса.

Европа между Россией и США

Я не думаю, что августовские события было бы правильно связывать с косовским прецедентом. Ситуация с Косово рассматривалась и рассматривается в Европе, как скорее наведение порядка на своей территории, а не как вторжение на чужую. И вопрос признания Косово виделся Европе как вопрос европейской внутренней политики, того, как европейские государства будут строить управление теми территориями, которые к ним перешли по результатам холодной войны.

Косово для стран Европейского союза – это территория, которую они получили в результате распада Советского Союза и советской системы в целом, в результате, как выражаются многие, поражения России в холодной войне. Для них продвижение Европейского союза и НАТО на восток – это изменение баланса сил в свою пользу по сравнению, по их мнению, с той катастрофической ситуацией, которая была после 1945 года, когда российские войска стояли в центре Европы.

Дальнейшее расширение НАТО и Европейского союза рассматривается, в первую очередь во Франции, но также и в Германии, как изменение баланса уже в другую сторону. Нынешнюю ситуацию они воспринимают как более или менее равновесную. Не случайно в начале апреля 2008 года премьер-министр Франции Франсуа Фийон, отвечая на вопросы журналистов, сказал, что Франция и Германия не поддерживают приглашения Украины и Грузии в НАТО, потому что это негативно скажется на балансе сил в Европе. Единственное, что, судя по всему, вызывает беспокойство в ряде западноевропейских столиц, это то, что Россия перестанет быть способной сдерживать США в ядерном плане, что Россия может утратить свое ядерное превосходство над всеми другими государствами мира.

В ситуации августа 2008 года позиция четырех ведущих государств ЕС – Германии, Франции, Италии и Испании, то есть всех крупных держав, кроме Великобритании, – не была безусловно проамериканской. И осуждение этого якобы избыточного применения силы российской стороной, и осуждение признания двух республик связано с опасениями чрезмерного усиления России.

Как я уже отмечал выше, ведущие континентальные государства – страны Европейского союза очень обеспокоены сохранением баланса, который возник после 2004 года, и не хотят допустить возвращения доминирующей роли России в вопросах европейской безопасности. Для них идеальным является состояние прохладного мира между Россией и США, который позволит им выполнять роль посредника, выступать в качестве третьей силы, как это сделал Николя Саркози в августе прошлого года, и не допускать чрезмерного усиления ни Москвы, ни Вашингтона. В любом случае нельзя отождествлять позицию США и позицию стран Европейского союза по ситуации августа прошлого года – они совершенно разные.

Так же и в странах постсоветского пространства – есть позиция элиты, и есть позиция мейнстрима, и их нельзя отождествлять. Точно так же, как нельзя было в свое время отождествлять внешнюю политику министра Козырева с настроениями российского мейнстрима. Уже в 1993 году в России на массовом уровне существовало понимание необходимости каких-то реинтеграционных процессов на постсоветском пространстве в той или иной форме. И существовало понимание того, что интеграция России на правах младшего партнера со странами Запада невозможна. Но это не значит, что аналогичной позиции придерживались правящие

круги. К примеру, судя по соцопросам, на Украине ситуация по интеграции с НАТО и с Европейским союзом не столь однозначна, как полагают президент Виктор Ющенко и его ближайшие сподвижники.

Можно, однако, предположить, что попытки европейских стран сбалансировать усиление России после августовских событий предложением ряду государств на постсоветском пространстве – Белоруссии, Украине, Молдове, Грузии, Армении, Азербайджану – неких новых форм сотрудничества могут вполне использоваться лидерами постсоветских стран и в переговорах с Россией. Если какая-то возможность появляется, почему ее не использовать? Однако сложно сказать, что это каким-то образом повлияло на настроения мейнстрима, настроения основной массы населения и на стратегию. Если говорить о странах Центральной Азии, Казахстана, то к ним это вообще никак не относится. Если говорить о Белоруссии, Молдове и Украине, то это настроение может относиться к ним только частично, поскольку данная ситуация используется определенной частью правящих кругов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.